

Д.К. Попов*

ЦЕРЕМОНИАЛ ПРИЕМА ХАЛХАСКИХ И ДЖУНГАРСКИХ ПОСЛАННИКОВ В ИРКУТСКЕ В КОНЦЕ XVII ВЕКА**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-17
УДК 94(571)"16":341.75/.76*Выходные данные для цитирования:*
Попов Д.К. Церемониал приема халхаских и джунгарских посланников в Иркутске в конце XVII века // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 209–220. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-17.pdf>

D.K. Popov*

THE CEREMONIAL RECEPTION OF KHALKHA AND DZUNGARIAN ENVOYS IN IRKUTSK AT THE END OF THE 17TH CENTURY**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-17

How to cite:
Popov D.K. The Ceremonial Reception of Khalkha and Dzungarian Envoys in Irkutsk at the End of the 17th Century // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 209–220. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-17.pdf>]

Abstract. The article, based on the analysis of the office documentation of the reporting type, represented by the article lists of negotiations, analyzes the diplomatic ceremonial used by representatives of the Russian authorities in Irkutsk during communication with the Mongol-speaking nomads of the north of Central Asia at the end of the 17th century. It is established that the Irkutsk administrators, whose powers included the right to conduct negotiations with the Central Asian nomads, having learned in advance about the arrival of a foreign delegation, sent bailiffs (pristavy) to meet them. In some cases, bailiffs (pristavy) even conducted preliminary negotiations. On the appointed day (or on the day of arrival), the embassy, at the invitation of the authorities, proceeded to the place where the audience was held – the “embassy hut” (posol’skaya izba). Along the route, the Irkutsk authorities could station servicemen (sluzhilye lyudi), tradesmen (posadskie lyudi), and other people who were in Irkutsk at the time of the delegation’s arrival. Weapons (artillery, guns), banners and drums were used as decorations. During negotiations, rituals of “welcoming” the Russian monarch, the counterparty, and the Irkutsk authorities could be used; gifts were given; etiquette questions aimed at honoring the envoy could be asked. Sometimes the envoys could be treated to alcoholic drinks. It is established that diplomatic ceremonial, firstly, performed representative functions, visually providing an image of the power and might of the tsarist power, secondly, created the effect of the presence of “sovereign power” on the outskirts of the Russian state, and, thirdly, demonstrated the benevolent attitude of representatives of the Russian government towards the counterparty. The ceremony was intended to have a psychological impact on the envoys and, thus, speed up the negotiation process. The situational use of diplomatic ceremonial norms indicates that the authorities took a pragmatic approach to dialogue with Mongol-speaking nomads and tried, above all, to achieve a concrete result, rather than to observe all the formalities.

Keywords: diplomatic ceremony, reception of embassies, Central Asian nomads, Irkutsk, the Russian state.

* Дмитрий Константинович Попов, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: dmitriy_popov_1997@inbox.ru

Dmitry Konstantinovich Popov, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: dmitriy_popov_1997@inbox.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)» (FSUS-2025-0009).

The article was made on the topic of the state assignment “Features of the Formation of Intercultural Communications in Siberia – From the Stone Age to the Early Modern Period (Based on Archaeological and Written Sources)” (FSUS 2025-0009).

The article has been received by the editor on 27.12.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе анализа делопроизводственной документации отчетного вида, представленной статейными списками переговоров, проводится анализ дипломатического церемониала, который использовали представители российской власти в Иркутске во время коммуникации с монгольязычными кочевниками севера Центральной Азии в конце XVII в. Установлено, что иркутские управленцы, в полномочия которых входило право проводить переговоры с центральноазиатскими номадами, узнав заранее о приезде иноземной делегации, посылали для встречи приставов. В отдельных случаях приставы даже проводили предварительные переговоры. В назначенный день (или в день прибытия) посольство по приглашению властей следовало в место, где проходила аудиенция, – «посольскую избу». По пути следования иркутские власти могли расставлять служилых, посадских и прочих людей, находившихся в момент приезда делегации в Иркутске. Использовали в качестве декорации оружие (артиллерию, ружья), знамена и барабаны. В ходе переговоров могли использоваться ритуалы «здоровствования» российского монарха, контрагента, иркутских властей, одаривание подарками, задаваться этикетные вопросы, направленные на оказание почести посланнику. Иногда посланников могли угостить алкогольными напитками. Установлено, что дипломатический церемониал, во-первых, выполнял репрезентативные функции, визуально обеспечивал образ могущества и мощи царской власти, во-вторых, создавал эффект присутствия «государевой власти» на окраинах Российского государства и, в-третьих, демонстрировал благожелательное отношение представителей российской власти к контрагенту. Церемониал должен был психологически воздействовать на посланников и тем самым ускорить переговорный процесс. Ситуативное использование норм дипломатического церемониала указывает на то, что власть прагматически подходила к диалогу с монгольязычными кочевниками и пыталась прежде всего добиться конкретного результата, а не соблюдения всех формальностей.

Ключевые слова: дипломатический церемониал, прием посольств, центральноазиатские кочевники, Иркутск, Российское государство.

Статья поступила в редакцию 27.12.2025 г.

В начале XVII в. российская власть установила дипломатические отношения с тюрко- и монгольязычными кочевниками, обитавшими на севере Центральной Азии. Коммуникация с ними осуществлялась прежде всего в формате двухстороннего обмена посольствами. И российские власти, и кочевые правители (а нередко и представители буддийской церкви) посылали дипломатические миссии для урегулирования насущных вопросов, которые возникали в ходе взаимодействия Российского государства и центральноазиатских номадов.

Посольства от кочевников в течение XVII в. с разной периодичностью и частотой приезжали в сибирские города: Тобольск, Тару, Тюмень, Томск, Кузнецк, Красноярск, Енисейск, Иркутск, Селенгинск, Нерчинск, Удинск. Воеводы или приказчики этих городов, а в 1687–1690 гг. еще и полномочный посол Ф.А. Головин, действуя в рамках тех предписаний, которые задавались им из Москвы, проводили переговоры с приезжавшими посланниками из улусов кочевников¹. Встреча дипломатических миссий в сибирских городах, а также

---

¹ Ф.А. Головин в ранге «великого и полномочного посла» в 1686 г. был отправлен Посольским приказом на переговоры («посольский съезд») с маньчжурами. В 1687–1690 гг. он находился в Забайкалье. В это время, кроме переговоров с маньчжурами, Ф.А. Головин активно коммуницировал с джунгарскими, халхаскими и хотогойтскими правителями, принимая от них посольства и посылая свои миссии к ним.

аудиенция могли проходить с использованием правил и традиций русской дипломатической культуры, сформированной в течение XVI–XVII вв. Управленцы (воеводы, приказчики) и особо уполномоченное лицо Ф.А. Головин применяли дипломатический церемониал, а также его отдельные компоненты (ритуалы), на свое усмотрение, исходя из реальной картины взаимоотношений между русскими и кочевниками на момент прибытия посольства. В связи с этим примеры использования дипломатического церемониала в Сибири немногочисленны. Среди них приемы джунгарских и халхаских посланников представителями российской власти в Иркутске в конце XVII в., организованные по всем (или почти всем) нормам дипломатической культуры того времени.

В научно-исследовательской литературе, посвященной взаимоотношениям Российского государства с центральноазиатскими номадами, анализ дипломатического церемониала, который применялся во время встреч джунгарских и халхаских посольств, не производился. Историки лишь отметили схожесть этих церемониалов с теми, которые использовались в XVII в. в Москве². Однако в исторической науке встречаются примеры анализа дипломатического церемониала, который использовался российской властью в отношениях как с центральноазиатскими номадами³, так и европейскими (и некоторыми азиатскими) государствами⁴. Кроме того, некоторые историки обращали внимание и на церемониальные практики в коммуникации российской власти с сибирскими народами⁵. Исследование церемониальных аспектов посольских отношений Российского государства с различными государствами и народами, в частности центральноазиатскими кочевниками, представляется плодотворным, поскольку позволяет, во-первых, лучше понять специфику дипломатического диалога XVII в., во-вторых, установить параметры самопрезентации российской власти перед своими контрагентами, в-третьих, выявить образы и символы, которые оно транслировало в отношениях с правителями разного статуса.

В данной статье на основе анализа делопроизводственной документации отчетного вида, представленной статейными списками переговоров иркутских управленцев, производится описание дипломатического церемониала и его компонентов – ритуалов, которые были использованы представителями российской власти в ходе переговоров с джунгарами и халхасцами в Иркутске в конце XVII в., а также устанавливается их значение.

Хронологические и территориальные рамки статьи обусловлены имеющимися сведениями об использовании дипломатического церемониала представителями российской власти в Иркутске в конце XVII в. Отметим, что наиболее подробные описания дипломатического церемониала содержатся и в документах, относящихся к русско-хотогойтским переговорам, проходившим в Томске в 1630-х гг.⁶ Однако для более полного описания дипломатического церемониала в рамках настоящей статьи внимание будет сконцентриро-

² См., например: *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1895. Ч. 1: Документы воеводского управления. С. 213; *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). 2-е изд., доп. Хабаровск, 1984. С. 133.

³ *Зуев А.С., Попов Д.К.* Церемониал приема русских посланников в ставках монголоязычных кочевников Центральной Азии в XVII в. // «Феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования»: сборник памяти В.В. Трепавлова. М., 2024. С. 400–418.

⁴ См., например: *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется...». Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М., 1988; *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. С. 196–208; *Кундакбаева Ж.Б.* «Прислал де их Аюка тайша бить челом великому государю царю...» (приезд в Москву калмыцких посланников во второй половине XVII в.) // *Иноземцы в России в XV–XVII веках: сборник материалов конференций 2002–2004 гг.* М., 2006. С. 520–532; *Моисеев М.В.* Москва XVI века, как пространство дипломатического ритуала. Церемониал и топография // *Московский код. Сборник статей по краеведению.* М., 2022. С. 39–43; *Манин Д.О.* Особенности дипломатического церемониала русского посольства во Франции в 1681 г. // *История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. ст. Междунар. науч.-практ. школы-конф. молодых ученых.* М., 2022. С. 27–35.

⁵ *Слугина В.А.* Организация церемоний присяг на верность царю Федору Алексеевичу в Западной Сибири (1676 г.) // *История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. ст. Междунар. науч.-практ. школы-конф. молодых ученых (25–28 октября 2022 г.).* М., 2022. С. 18–26; *Зуев А.С., Слугина В.А.* Шерги-присяги народов Сибири и севера Центральной Азии российскому монарху в конце XVI – начале XVIII в.: исследования и материалы. Новосибирск, 2023. С. 60–66, 99–114.

вано на Иркутске. Сразу отметим, что некоторые переговоры проходили не в самом Иркутске, а в соседних населенных пунктах (заимка Смоленских, Ильинская слобода). Поскольку эти переговоры осуществлялись управленцами и уполномоченными лицами, имеющими отношение к Иркутску, то рассматривать их в данной статье мы будем в одном ряду с теми приемами, которые происходили в самом Иркутске.

Прежде чем перейдем к анализу дипломатического церемониала, обозначим ряд ключевых моментов, принципиальных для понимания заявленной тематики. Во-первых, под церемониалом в настоящей статье подразумевается комплекс парадных действий и ритуалов, которые использовались представителями российской власти во время приема посольств, прибывших из улусов кочевников. Во-вторых, под ритуалами подразумеваются знаковые формы поведения, использованные в процессе коммуникации. Примерами таких ритуалов можно считать «здравствование» монарха, представителей власти, контрагента, одаривание подарками, преподнесение писем и челобитий. Эти ритуалы в совокупности с вербальным наполнением были направлены на легитимацию власти российского монарха, демонстрацию почтения контрагента русскому царю. В-третьих, оговорим использование понятия «посланник» в данной статье. Под этим понятием мы подразумеваем не дипломатический ранг полномочных лиц, а общее обозначение дипломатических представителей, действовавших от лица своего правителя, посланных с конкретными поручениями.

Обозначив ключевые моменты, перейдем к рассмотрению дипломатического церемониала. Отметим, что в Иркутске в конце XVII в. переговорный процесс с монголоязычными номадами осуществляли как штатные управленцы, назначенные центральными органами власти, так и лица, на которых были возложены временные обязанности по управлению городом. В 1684 г. переговоры с монголами проводил письменный голова Л.К. Кислянский, выполнявший обязанности управленца в Иркутске в это время, в 1685 г. – сын боярский И.М. Перфильев, который был к этому времени иркутским приказчиком, а в 1689–1690 гг. – снова Л.К. Кислянский, но уже в должности иркутского воеводы. В 1690 г. в переговорах участвовал и полномочный посол Ф.А. Головин, оказавшийся в Иркутске по пути в Москву после «посольского съезда» с маньчжурами⁷. Кроме того, к дипломатической деятельности по распоряжению властей привлекались и специально назначенные люди. Так было в 1689 г., когда джунгарских посланников по указанию иркутского воеводы Л.К. Кислянского принимали сын боярский С. Шестаков и подьячий Е. Самойлов, посланные в качестве приставов для сопровождения джунгарского посольства, но фактически проводившие предварительные переговоры⁸.

Представители российской власти в Иркутске заранее узнавали о подъезжавшей дипломатической миссии от кочевников. В 1682 г. иркутских властей о прибытии посланников от халхаского Шидишири Батура-хунтайджи уведомил служилый человек Н. Чечегин, выполнявший на тот момент служебные поручения в Тункинском остроге⁹. В 1690 г. приказчик этого же острога Г. Богданов отправил иркутскому воеводе Л.К. Кислянскому письмо, в котором сообщил о прибывшем посольстве от джунгарского Галдана Бошоктухана¹⁰.

Узнав о прибытии иноземного посольства, иркутские управленцы посылали приставов, которые должны были встретить приехавшую делегацию, расспросить о целях приезда, а затем, если представители власти приняли решение сразу дать аудиенцию, сопроводить в город или, если аудиенция планировалась на другой день, к месту временного размещения.

⁶ См. подробнее: Русско-монгольские отношения (РМО). 1607–1636: сб. док-тов. М., 1959. С. 161–166, 178–183, 253–266; РМО. 1636–1654: сб. док-тов. М., 1974. С. 78–88, 157–164.

⁷ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (ДАИ). Т. 10. СПб., 1867. С. 245–251; РМО. 1654–1685: сб. док-тов. М., 1996. С. 418, 439–441; РМО. 1685–1691: сб. док-тов. М., 2000. С. 213–217, 256–259, 327–342. Об управленцах в Иркутске в конце XVII в. см.: Зуев А.С. Административно-территориальное устройство Забайкалья в 1650–1680-х годах // *Universum Humanitarium*. 2025. № 2. С. 48–49.

⁸ РМО. 1685–1691. С. 209–213.

⁹ РМО. 1654–1685. С. 392.

¹⁰ РМО. 1685–1691. С. 256.

Приставами могли быть назначены подьячие, служилые люди по отечеству, «начальные люди» из числа приборных служилых людей¹¹. К исполнению функций приставов иркутские власти, надо полагать, привлекали тех лиц, кто обладал какими-либо коммуникативными навыками и был способен исполнить те поручения, которые им были вверены.

Первый контакт приставов с прибывшим посольством проходил где-то в окрестностях Иркутска. В 1684 г. селенгинский казачий десятник Г. Уразов, выполнявший по распоряжению письменного головы Л.К. Кислянского обязанности пристава, встретил посланника от халхаского тушету-хана Чихунь Доржи на мельничном лугу рядом с государевой мельницей¹². Там же в 1689 г. встречали дипломатическую миссию от джунгарского Галдана Бошокту-хана¹³. Мельничный луг, на котором располагалась государева мельница, находился на правом берегу реки Иркут.

В каком именно месте в 1690 г. встретил пятидесятник К. Козьмин джунгарских посланников, неизвестно. Но это было где-то в окрестностях Иркутска, поскольку в источниках сказано, что делегация остановилась за Ангарой, не доезжая города. Сюда же подъехали приставы – подьячие А. Курдюков и Я. Самойлов. Отметим, что они во время первого контакта с посланниками исполнили компоненты (ритуалы) дипломатического церемониала: спросили о здоровье посланца Дархан-зайсана, узнали о длительности поездки. Тогда же они пытались разузнать о наличии письма от Галдана Бошокту-хана. И только после этих вопросов делегация вместе с приставами переправилась через Ангару¹⁴.

Имеющиеся в делопроизводственной документации сведения позволяют утверждать, что власти стремились разместить дипломатов для временного проживания вне города. Это было обусловлено соображениями безопасности. Так, в 1689 г. джунгарское посольство было размещено за рекой Ангарой между дворов иркутских казаков К. и Е. Могулевых¹⁵. Причем разместили делегацию, по всей видимости, не на дворах служилых людей, а в юртах¹⁶. А вот в 1690 г. посланников от джунгарского Галдана Бошокту-хана разместили на постоялом дворе, точное местонахождение которого неизвестно. Но можно предположить, что этот двор находился где-то около города, поскольку в статейном списке переговоров написано, что делегация вместе с приставами переправилась через реку Ангару: «и спрося о всем, велено ево, посланца, приняв, и поставить, перевещи Ангару-реку, на постоялой двор»¹⁷.

Аудиенция и последующие переговоры проходили на «посольском дворе» – в специально заготовленном для этих целей здании¹⁸. Помещение «посольской избы» могли заранее украсить. В 1684 г., согласно статейному списку русско-халхаских переговоров, стены и потолки «избы» были обиты красными и зелеными сукнами, на столах лежали ковры, а на лавках – паласы («полазы»). Были также украшены «площадь» перед «избой» (пространство около здания) и крыльцо – их устлали красными сукнами. Ткани, необходимые для украшения, «на время браны из рядов (у торговых и посадских людей. – Д. П.)»¹⁹.

Отметим, что в некоторых случаях иркутские управленцы могли принимать посольства где-то вне города, что было обусловлено соображениями безопасности: «...а в острог де их взять не приказал для того, чтоб им про иркуцкие острожные крепости было неведомо»²⁰. В 1690 г. переговоры с джунгарскими посланниками состоялись на расположенной в окрестностях Иркутска заимке служилых людей Смоленских²¹. В 1691 г. иркутский воевода Л.К. Кислянский для приема посольства от джунгарского Галдана Бошокту-хана специально

¹¹ РМО. С. 209–210, 214, 256, 327; ДАИ. Т. 10. С. 245.

¹² ДАИ. Т. 10. С. 245, 246.

¹³ РМО. 1685–1691. С. 209.

¹⁴ Там же. С. 256.

¹⁵ Там же. С. 209.

¹⁶ Там же. С. 210.

¹⁷ Там же. С. 256.

¹⁸ Отметим, что в одних случаях место аудиенции называется «посольским двором/избой» (ДАИ. Т. 10. С. 245, 246, 247; РМО. 1685–1691. С. 214, 327), а иногда «приказной избой» (РМО. 1654–1685. С. 440).

¹⁹ ДАИ. Т. 10. С. 246–247.

²⁰ РМО. 1654–1685. С. 418.

²¹ РМО. 1685–1691. С. 247.

выехал в Ильинскую слободу, расположенную на левом берегу реки Селенги: «...и тех посланцов велел я, холоп ваш, взять в Ыльинской слободе в учрежденную избу для посольских переговоров»²².

В назначенный день или в день приезда по приглашению властей посольство выдвигалось от места своего временного размещения (или места, где было встречено русскими приставами) к «посольской избе». Точный путь, по которому следовали посланники, неизвестен. Однако на основе имеющихся в источниках сведений можно в общих чертах обрисовать его. Маршрут сочетал в себе конный, водный и пеший способы передвижения. До того как делегация перебиралась на дощаниках по Ангаре, она следовала на лошадях. Причем в статейном списке 1684 г. акцентировано внимание на том, что посольству следовало ехать на своих лошадях, т.е. средств передвижения выдано не было: «...а ехать ему посланцу с товарищи на своих лошадях»²³. Далее делегация на лодках (дощаниках) следовала до переправы к Иркутску: «...и доплыв до верхнего Иркутского острога посаду к взвозу иркуцкого десятника казачьа Василья Коткова»²⁴; «...велел пристать у верхнего посаду против креста»²⁵. Под «крестом», очевидно, подразумевалась Спасская церковь, расположенная в Иркутске²⁶.

По распоряжению письменного головы Л.К. Кислянского в 1684 г. халхаское посольство встречали крайне торжественно. На двух дощаниках, на которых должна была переправиться делегация вместе с приставом, располагалось по одной пушке, а также было расставлено по 30 человек, 1 прапорщику, пушкарю²⁷. На берегу иноземное посольство встречало большое количество людей. В 1684 г. власти мобилизовали служилых, посадских, торговых, промышленных и гулящих людей, которые на момент встречи дипломатической миссии должны были находиться в «цветном платье», т.е. в парадной одежде. Все люди находились «по обе стороны» от делегации и были расставлены в три ряда. В совокупности было задействовано около 390 человек: из них с ружьями – 95 человек, с пиками – 235, конных людей с сайдаками – 60²⁸.

Тогда же власти использовали знамена и барабаны. Была задействована и артиллерия, которую расставили не только на дощаниках, о чем было упомянуто ранее, но и у переправы через Ангару, на городской площади, а также около «посольского двора». Около орудий находились пушкари. Они были в «цветном платье», а в руках держали зажженные фитили. У пушек, расположенных на городской площади, приставили знамя, рядом с которым расположили 40 человек, вооруженных пиками. Около крыльца «посольского двора» стоял служилый человек (имя неизвестно), обладавший на тот момент чином головы. Перед ним располагались два знамени с протазаном. Кроме того, как сказано в статейном списке переговоров, «у служилых и у посацких и у промышленных людей у трех сотней по знамени»²⁹.

Принимая в 1685 г. посольство от джунгарского Галдана-Бошокту-хана и торгоутского (?) тайджи Номун-хана³⁰, иркутский сын боярский И.М. Перфильев, выполнявший на

²² РМО. С. 352. См. также: РМО. 1685–1691. С. 328. Об Ильинской слободе (остроге) см.: *Артемьев А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 81–82.

²³ ДАИ. Т. 10. С. 245.

²⁴ Там же. С. 245–246.

²⁵ РМО. 1685–1691. С. 214.

²⁶ *Кочедамов В.И.* Первые русские города Сибири. М., 1977. С. 133.

²⁷ ДАИ. Т. 10. С. 246.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Неизвестно, кем являлся Номун-хан и к какой племенной группировке ойратов он относился. Г.И. Слесарчук предположила, что под этим именем в источниках подразумевался какой-то ойратский (торгоутский) правитель, кочевавший в районе Астрахани (РМО. 1654–1685. С. 501). Кроме того, неясно, каким титулом обладал Номун-хан. Г.И. Слесарчук назвала его «тайджи» (Там же). Однако этот титул в монгольском кочевом мире применялся в основном к потомкам Чингисхана, в отличие от титула «тайша», который использовался в отношении тех, кто не относился к Чингизидам (*Китинов Б.У.* Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов: в 2 т. Т. 1. М., 2021. С. 214). Вряд ли Номун-хан относился к Чингизидам и имел титул «тайджи». Прояснить этот вопрос может только обнаружение новых источников.

тот момент обязанности приказчика, также организовал парадную встречу прибывшей делегации: «...а стойка была с ружьем и з бердыши и с пиками, и конница против прежнего посольства, которое посольство было в прошлом во 193 году. На стойке было с ружьем и з бердыши и с пиками, и конницы 500 человек»³¹.

Высадившись на берег, иноземные делегации в сопровождении пристава (или приставов) следовали на «посольский двор». Причем приставу предписано было находиться справа от иноземных посланников: «...а пристава Данилу Уразову идти с ними посланцы по правую сторону в ряд»³²; «...вышед из судов на берег, итти ему, Сидору, к посольскому двору с вышеписанными калмытцкими и мунгальскими посланцы по правую их руку пеши»³³; «...велено ему, Осипу, итти с теми посланцы по правую руку до посольские избы»³⁴. Предписания следовать по правой стороне неслучайны. В русской культурной традиции положение справа являлось почетным для человека, находившегося на этой позиции³⁵.

Подойдя к «посольскому двору», делегация через крыльцо заходила в сени – помещение перед комнатой, где находился управленец. Здесь их встречал специально назначенный человек – «встречник»³⁶. В 1684 г., когда приехало халхаское посольство, в роли «встречника» выступал Е.И. Перфильев, названный в статейном списке иркутским дворянином³⁷. В 1689 г. «встречником» во время приезда джунгарского посольства был иркутский сын боярский В.И. Перфильев³⁸. «Встречник» находился в сенях не один. В 1684 г. вместе с Е.И. Перфильевым упоминались подьячий и толмач, а в 1689 г. – только толмач³⁹. Вошедшую в сени делегацию «встречники» приветствовали специальной речью: «...царского пресветлого величества писменной голова Леонтей Костянтинович Кислянский велел тебя посланца для почести (курсив здесь и далее наш. – Д. П.) встретить мне царского величества дворянину» (1684 г.)⁴⁰; «...великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие государыни, благоверные царевны и великие княжны Софии Алексеевны, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, их царского пресветлого величества стольник и воевода Леонтей Констянтинович Кислянский велел для почести царского величества сыну боярскому Василью Перфирьеву вас, посланцов, встретить» (1689 г.)⁴¹. Примечателен тот факт, что «встречники» в своих речах упоминали словосочетание «для почести». Это указывает на то, что представители российской власти задействовали специальных лиц, уполномоченных встретить делегацию с целью оказания ей знаков почтения. В свою очередь, это позволяет утверждать, что русская сторона демонстрировала свое благожелательное отношение к прибывшей дипломатической миссии и, соответственно, к тому контрагенту, который прислал это посольство.

Посланники, по всей видимости, могли совершить поклон в качестве ответа на приветственную речь «встречника». По крайней мере такую информацию содержит статейный список русско-халхаских переговоров, прошедших в 1684 г.⁴²

Озвучив свою речь, «встречники» во главе делегации заходили в помещение, где находился представитель власти, проводивший переговоры. Причем источники акцентируют внимание на том, что «встречник» шел впереди делегации: «шел перед посланцами с подьячим и с толмачем»⁴³; «шел перед ними наперед в посольскую избу»⁴⁴.

³¹ РМО. 1654–1685. С. 441.

³² ДАИ. Т. 10. С. 246.

³³ РМО. 1685–1691. С. 214.

³⁴ Там же. С. 327.

³⁵ Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л., 1990. С. 30.

³⁶ О «встречниках» см.: Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...»... С. 94–95.

³⁷ ДАИ. Т. 10. С. 246.

³⁸ РМО. 1685–1691. С. 214.

³⁹ ДАИ. Т. 10. С. 246; РМО. 1685–1691. С. 214.

⁴⁰ Там же; РМО. 1654–1685. С. 411.

⁴¹ РМО. 1685–1691. С. 214.

⁴² ДАИ. Т. 10. С. 246.

⁴³ Там же. С. 246.

⁴⁴ РМО. 1685–1691. С. 214.

В помещении, где проходила аудиенция, помимо самого управленца, принимавшего посольство, могли находиться представители служилых людей, местной администрации, а также прочие лица, специально задействованные для этого. Все они были одеты в парадную одежду («цветное платье»). В 1684 г. в помещении вместе с Л.К. Кислянским находились дворяне, пятидесятники, «лучшие» «старые» казаки, подьячие, представитель гостинной сотни, таможенный голова, а также торговые люди⁴⁵. В 1689 г. он же принимал халхаских посланников в присутствии детей боярских, подьячих, таможенного головы, а также торговых людей из разных городов, находившихся на момент принятия миссии в Иркутске⁴⁶.

При входе в помещение, где проходила аудиенция, посланники в идеальном варианте русского «посольского обычая» должны были снять головные уборы и совершить поклон лицу, принимавшему посольство, после чего задать вопрос о здравии российского монарха. Так поступили в 1684 г. представители халхаского тушету-хана Чихунь Доржи⁴⁷. На вопрос о здоровье «великих государей» Иоанна и Петра Алексеевичей письменный голова Л.К. Кислянский ответил стандартной фразой: «Божию милостию, великие государи, <...> на своих царских превысочайших престолах своих великих преславных государствах Росийского государства дал Бог в добром здравье». После этого следовало «здравствование» контрагента: «царь ваш Очирой Саин хан (тушету-хан Чихунь Доржи. – Д. Н.) и тайши с ним здорово ль?» Посланники ответили, что «Очирой Саин хан наш и тайши в своей Мунгальской земле с своими мунгальскими людьми все здорово». Далее следовало «здравствование» посланниками самого Л.К. Кислянского, а затем и ответное «здравствование» письменным головой дипломатов. Кислянский спросил и о том, как доехали посланники, не было ли им в пути какие-либо обиды⁴⁸. Этикетные вопросы, связанные с выявлением информации о том, как добрались дипломаты до Иркутска, были направлены на установление доверительного контакта, проявление уважения к прибывшему посольству.

Аналогичная последовательность ритуалов, примененных на русско-халхаских переговорах в 1684 г., была зафиксирована и во время коммуникации с джунгарами в 1684 и 1691 гг.⁴⁹ Обратим внимание, что в 1691 г. во время повторной аудиенции, организованной джунгарским посланником, иркутский воевода Л.К. Кислянский, по всей видимости, повторил последовательность «здравствования»: «...с теми посланцы повитался, как ведетца обычей»⁵⁰. Слово «повитался», употребленное в статейном списке, в XVII в. имело значение «приветствовать друг друга»⁵¹. Это позволяет утверждать, что Л.К. Кислянский поприветствовал посланников, отталкиваясь от норм дипломатической культуры XVII в.

Далее, если посланники привезли с собой подарки, предназначенные представителям российской власти, происходил ритуал преподнесения даров. Тогда же прибывшие дипломаты могли вручить и письмо (если оно не было передано приставам ранее)⁵². Письмо могли вручить и на повторной аудиенции⁵³.

Случалось, что российские власти использовали иную конфигурацию ритуалов, упуская какие-либо компоненты церемониала. В 1690 г. Л.К. Кислянский, принимая посланников от джунгарского Галдана Бошокту-хана, по всей видимости, вообще не совершал ритуал «здравствования». Это предположение связано с тем, что статейный список переговоров не содержит сведений о вопросах-ответах о здоровье российского монарха и контрагента. Иркутский воевода, судя по документу, сразу перешел к сути приезда посланника и затребовал письмо («лист»)⁵⁴. Полномочный посол Ф.А. Головин, возвращавшийся обратно

⁴⁵ РМО. 1654–1685. С. 411.

⁴⁶ РМО. 1685–1691. С. 214.

⁴⁷ ДАИ. Т. 10. С. 247.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ РМО. 1654–1685. С. 434–435; РМО. 1685–1691. С. 327.

⁵⁰ РМО. 1685–1691. С. 328.

⁵¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989. С. 161.

⁵² РМО. 1654–1685. С. 435; РМО. 1685–1691. С. 327.

⁵³ РМО. 1685–1691. С. 331.

⁵⁴ Там же. С. 256.

в столицу после заключения Нерчинского договора в 1689 г. и находившийся в момент приезда джунгарского посланца в 1690 г. в Иркутске, тоже не проводил никаких ритуалов «здравствования». На аудиенции у Головина произошло лишь вручение посланниками подарков, адресованных ему⁵⁵. Эти факты позволяют утверждать, что набор и последовательность применения ритуалов были вариативными и их использование зависело от умонастроения лица, принимавшего посольства, от отношений между русскими и монголоязычными номадами в каждый конкретный момент времени.

Случалось, что посланники отказывались следовать «русскому» варианту дипломатического церемониала. В 1689 г. посланники джунгарского Галдана Бошокту-хана, халхаского Очирдар хутухты и прочих халхаских правителей, войдя в помещение, где проходила аудиенция, «шапок с себя не сняли и про здоровье великих государей не спросили»⁵⁶. На замечание воеводы Л.К. Кислянского о том, что ранее приезжавшие дипломаты от джунгарских и халхаских правителей всегда снимали головные уборы и спрашивали про здоровье монархов, посланники ответили, что «им о том не заказано», а кроме того «они де посланы не к царскому величеству, посланы де они в-Иркутцк к начальному человеку», т.е. к воеводе, а не к царям⁵⁷. Иркутский воевода не пожелал вступать в «церемониальный спор» и пошел на уступки, продолжив аудиенцию.

Во время аудиенции у представителей российской власти в Иркутске посланники из центральноазиатских улусов, по всей видимости, сидели на заготовленных скамьях⁵⁸. Приглашение сесть на скамью следует расценивать как оказание почтения контрагентам⁵⁹.

После осуществления всех церемониальных и ритуальных действий начинались собственно переговоры, рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи. После завершения аудиенции управленцы могли угостить посланников. Так поступил Л.К. Кислянский. В 1684 г. он «велел потчивать их (халхаских посланников. – Д. Н.) вином горячим и збитнем и пивом»⁶⁰.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что дипломатический церемониал, используемый представителями российской власти в Иркутске, был направлен на выполнение репрезентативных функций. Для создания образа могущественной царской власти иркутские управленцы задействовали все население, которое в момент приезда иноземного находилось в городе. С этой же целью в церемониале использовали и различную воинскую атрибутику: ружья, артиллерию, знамена и барабаны. Все это в совокупности демонстрировало мощь и величие «великих государей» – царствовавших тогда Иоанна и Петра Алексеевичей, всякое сопротивление которым является бессмысленным. Чем больше людей и оружия власти демонстрировали прибывшему посольству, тем большим должен был быть эффект присутствия царской власти на далеких окраинах Российского государства.

Кроме того, отдельные ритуалы дипломатического церемониала («здравствование» российского монарха и снятие головного убора) были направлены на легитимацию власти русского царя над контрагентами. Ведь упоминания государева имени «наперед» и снятие шапки в «честь» государя и представлявшего его власть управленца указывают на то, что в символической форме российский монарх ставился выше кочевых правителей.

Одновременно задействование в церемониале большого количества людей, а также демонстрация парадности показывали, что российская власть, несмотря на то, что кочевые правители воспринимались ею неравными, оказывала почтение контрагентам. На это, заметим, указывали и сами современники, о чем было сказано ранее. Парадные встречи и отдельные компоненты ритуала должны были оказать психологическое воздействие на представителей контрагента, пославшего миссию, и сделать их сговорчивей. Это, в свою

⁵⁵ РМО. 1685–1691. С. 258.

⁵⁶ Там же. С. 214.

⁵⁷ Там же. С. 214–215.

⁵⁸ Там же. С. 256–257, 328.

⁵⁹ Байбурун А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета... С. 75.

⁶⁰ РМО. 1654–1685. С. 415.

очередь, должно было положительно сказаться на общем ходе взаимодействия российской власти с монголоязычными кочевниками севера Центральной Азии.

При этом применение всех компонентов церемониала было вариативным. Об этом говорят факты его ситуативного использования представителями российской власти в Иркутске в конце XVII в. Это позволяет утверждать, что российская власть гибко и прагматично относилась к исполнению всех формальностей и была нацелена прежде всего на достижение договоренностей, а не на исполнение всех тонкостей дипломатической культуры XVII в.

Таким образом, дипломатический церемониал, который использовали представители российской власти в Иркутске в конце XVII в., в визуальной форме доносил до посланников определенную информацию: от знаков оказания «честь» контрагенту, приславшему посольства, до демонстрации мощи и величия русского царя, который, физически находясь в Москве, метафизически присутствовал на окраине своей «вотчины».

Литература

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). 2-е изд., доп. Хабаровск: Книжное издательство, 1984. 271 с.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: [б. и.], 1999. 336 с.

Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 165 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1867. Т. 10. 516 с.

Зуев А.С. Административно-территориальное устройство Забайкалья в 1650–1680-х годах // *Universum Humanitarium*. 2025. № 2. С. 26–62.

Зуев А.С., Попов Д.К. Церемониал приема русских посланников в ставках монголоязычных кочевников Центральной Азии в XVII в. // «Феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования»: сборник памяти В. В. Трепавлова. М., 2024. С. 400–418.

Зуев А.С., Слугина В.А. Шерти-присяги народов Сибири и севера Центральной Азии российскому монарху в конце XVI – начале XVIII в.: исследования и материалы. Новосибирск: НГУ, 2023. 560 с.

Китинов Б.У. Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов: в 2 т. М.: Институт востоковедения РАН, 2021. Т. 1. 280 с.

Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1977. 190 с.

Кундакбаева Ж.Б. «Прислал де их Аюка тайша бить челом великому государю царю...» (приезд в Москву калмыцких посланников во второй половине XVII в.) // *Иноземцы в России в XV–XVII веках: сборник материалов конференций 2002–2004 гг.* М., 2006. С. 520–532.

Манин Д.О. Особенности дипломатического церемониала русского посольства во Франции в 1681 г. // *История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. ст. Междунар. науч.-практ. школы-конф. молодых ученых.* М., 2022. С. 27–35.

Моисеев М.В. Москва XVI века, как пространство дипломатического ритуала. Церемониал и топография // *Московский код. Сборник статей по краеведению.* М., 2022. С. 39–43.

Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1: Документы воеводского управления. М.: Университетская типография, 1895. 430 с.

Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сборник документов / сост. Л.М. Гатаулина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 352 с.

Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М.: Наука, 1974. 469 с.

Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сборник документов / сост. Г.И. Слесарчук. М.: Восточная литература, 1996. 559 с.

Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов / сост. Г.И. Слесарчук. М.: Восточная литература РАН, 2000. 488 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / отв. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1989. Вып. 15. 288 с.

Слугина В.А. Организация церемоний присяг на верность царю Федору Алексеевичу в Западной Сибири (1676 г.) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. ст. Междунар. науч.-практ. школы-конф. молодых ученых (25–28 октября 2022 г.). М., 2022. С. 18–26.

Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 333 с.

Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...». Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М.: Международные отношения, 1988. 214 с.

References

Aleksandrov, V.A. (1984). *Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.)* [Russia on the Far Eastern Borders (Second Half of the 17th Century)]. Khabarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 271 p.

Artem'ev, A.R. (1999). *Goroda i ostrogi Zabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroy polovine XVII–XVIII vv.* [Cities and Forts of Transbaikalia and the Amur Region in the Second Half of the 17th–18th Centuries]. Vladivostok, [n. p.]. 336 p.

Baiburin, A.K., Toporkov, A.L. (1990). *U istokov etiketa. Etnograficheskie ocherki* [At the Origins of Etiquette: Ethnographic Essays]. Leningrad, Nauka. 165 p.

Barkhudarov, S.G. (Ed.). (1989). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language from the 11th to the 17th Centuries]. Moscow, Nauka. Vol. 15. 288 p.

(1867). *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiiy.* St. Petersburg, Tipografiya Ehduarda Pratsa. Vol. 10. 516 p.

Gataullina, L.M., Gol'man, M.I., Slesarchuk, G.I. (Comps.). (1959). *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1607–1636* [Russo-Mongolian Relations. 1607–1636]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoy literatury. 352 p.

Gol'man, M.I., Slesarchuk, G.I. (Comps.). (1974). *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1636–1654* [Russo-Mongolian Relations. 1636–1654]. Moscow, Nauka. 469 p.

Khoroshkevich, A.L. (2001). *Rus' i Krym: Ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV – nachalo XVI vv.* [Rus' and Crimea: From Alliance to Confrontation. Late 15th – Early 16th Centuries]. Moscow, Editorial URSS. 333 p.

Kitinov, B.U. (2021). *Buddizm i religioznye lidery Tibeta v istorii Chetyrekh oiratov* [Buddhism and the Religious Leaders of Tibet in the History of the Four Oirats]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN. Vol. 1. 280 p.

Kochedamov, V.I. (1977). *Pervye russkie goroda Sibiri* [The First Russian Cities of Siberia]. Moscow, Stroyizdat. 190 p.

Kundakbaeva, Zh.B. (2006). “Prislal de ikh Ayuka taisha bit' chelom velikomu gosudaryu tsaryu...” (priezd v Moskvu kalmytskikh poslannikov vo vtoroy polovine XVII v.) [“Ayuka Taisha Sent Them to Bow to the Great Sovereign Tsar...” (The Arrival of Kalmyk Envoys to Moscow in the Second Half of the 17th Century)]. In *Inozemtsy v Rossii v XV–XVII vekakh: sbornik materialov konferentsii 2002–2004 gg.* Moscow, pp. 520–532.

Manin, D.O. (2022). Osobennosti diplomaticheskogo tseremoniala russkogo posol'stva vo Frantsii v 1681 g. [Features of the Diplomatic Ceremony of the Russian Embassy in France in 1681]. In *Istoriya Rossii s drevneyshikh времен do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady. Sbornik statey Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi shkoly-konferentsii molodykh uchenykh.* Moscow, pp. 27–35.

Moiseev, M.V. (2022). Moskva XVI veka, kak prostranstvo diplomaticheskogo rituala. Tseremonial i topografiya [16th-Century Moscow as a Space of Diplomatic Ritual: Ceremonial and Topography]. In *Moskovskiy kod. Sbornik statey po kraevedeniyu*. Moscow, pp. 39–43.

Ogloblin, N.N. (1895). *Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.)*. [Review of the Columns and Books of the Siberian Order (1592–1768)]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Vol. 1. 430 p.

Slesarchuk, G.I. (Comp.). (1996). *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1654–1685* [Russo-Mongolian Relations. 1654–1685]. Moscow, Vostochnaya literatura. 559 p.

Slesarchuk, G.I. (Comp.). (2000). *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1685–1691* [Russo-Mongolian Relations. 1685–1691]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. 488 p.

Slugina, V.A. (2022). Organizatsiya tseremonii prisvyag na vernost' tsaryu Fedoru Alekseevichu v Zapadnoy Sibiri (1676 g.) [Organization of Ceremonies of Oaths of Allegiance to Tsar Feodor Alekseevich in Western Siberia (1676)]. In *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady. Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy shkoly-konferentsii molodykh uchenykh (25–28 oktyabrya 2022 g.)*. Moscow, pp. 18–26.

Yuzefovich, L.A. (1988). “Kak v posol'skikh obychayakh vedetsya...”. *Russkiy posol'skiy obychay kontsa XV – nachala XVII v.* [“As is Customary in Embassy Affairs...”. Russian Embassy Customs of the Late 15th – Early 17th Centuries]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 214 p.

Zuev, A.S., Slugina, V.A. (2023). *Sherti-prisyagi narodov Sibiri i severa Tsentral'noy Azii rossiyskomu monarkhu v kontse XVI – nachale XVIII v.: issledovaniya i materialy* [Sherti-Oaths of the Peoples of Siberia and Northern Central Asia to the Russian Monarch in the Late 16th – Early 18th Centuries: Research and Materials]. Novosibirsk, NGU. 560 p.

Zuev, A.S. (2025). Administrativno-territorial'noe ustroystvo Zabaykal'ya v 1650–1680-kh godakh [Administrative-Territorial Structure of Transbaikalia in the 1650s–1680s]. In *Universum Humanitarium*. No. 2, pp. 26–62.

Zuev, A.S., Popov, D.K. (2024). Tseremonial priema russkikh poslannikov v stavkakh mongoloyazychnykh kochevnikov Tsentral'noy Azii v XVII v. [The Ceremony of Receiving Russian Envoys at the Headquarters of the Mongolian-Speaking Nomads of Central Asia in the 17th Century]. In *Fenomen verkhovnoy vlasti i protsess formirovaniya imperskogo gosudarstva neischerpaemy dlya issledovaniya: Sbornik pamyati V.V. Trepavlova*. Moscow, pp. 400–418.